

Для цитирования: Крейдун Ю.А. Афон и православная миссия на Алтае в XIX – нач. XX в.
//

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_3.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.007

УДК 94(57)

АФОН И ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ НА АЛТАЕ В XIX – НАЧ. XX В.

Ю.А. Крейдун¹

¹ ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» г. Барнаул, Российская Федерация

E-mail: krey70@mail.ru

Христианство является наднациональной и надэтнической религией. Общение верующих разных территорий позволяло налаживать духовные связи, которые проявлялись в различных формах: миссионерско-проповеднической деятельности, взаимопомощи во времена гонений или голода.

Религиозные связи часто приводили к тесному взаимодействию на межгосударственном уровне и созданию политических союзов. Но наиболее значимой составляющей межрегиональных духовных связей по массовости было паломничество. Основные центры, связанные с евангельскими событиями, уже с первых веков привлекали христиан из разных мест. В начале IV в. с прекращением гонений на христиан начинается обустройство христианских святынь Иерусалима. Император Константин Великий провозгласил Палестину Святой Землей. Первые монашеские обители на полуострове Афон появляются примерно в это же время. Но из-за нашествия варваров и арабов только в IX в. Афон стал реальным центром восточного монашества. В 883 г. император Василий I издает указ об исключительном праве монашествующих селиться в этих местах.

Духовная связь Афона и Русских земель берет свое начало в XI в. Одним из первых русских подвижников на Афоне был прп. Антоний Печерский. Есть свидетельства, что там к его приходу уже существовала русская обитель и были русские подвижники. Монастырь Пресвятой Богородицы Ксилургу стал первой «обителью руссов» на Святой Горе. Наличие русского монастыря на Афоне впервые документально подтверждено в 1016 г. Вероятнее всего, именно в обители Ксилургу великий старец-игумен Герасим постриг прп. Антония Печерского и благословил его вернуться на Русь, чтобы нести свет монашества. С течением времени прибывавшие сюда русские насельники постепенно заполнили стены монастыря, и в «1169 г. по просьбе братии обители “святогорцы” уступили русским запустелый Нагорный монастырь с храмом во имя святого Пантелеимона» [1]. Обитель Ксилургу перешла в статус скита.

В Пантелеимоновском монастыре в конце XV в. подвизался прп. Нил Сорский (1433-1508), заложивший основы скитского жительства на русской земле по афонскому исихастскому образцу.

В XIV в. знакомство русских с Афоном значительно расширяется благодаря странникам и паломникам. Духовный обмен стал еще более интенсивным на рубеже XV–XVI вв. — в связи с оформлением официальных отношений между Афоном, Московским великим княжеством и Русской митрополией.

С Афона в Россию некоторые резные и живописные произведения афонских мастеров стали передаваться в дар русским монархам, знатным людям, церквям и монастырям. Один из первых таких случаев относится к 1550 г., когда «игумен Хиландарской обители Паисий и с ним два старца, прибывшие в Россию за сбором пожертвований, принесли с собой две иконы, обложенные серебром» [2], — свв. Симеона и Саввы Сербских.

С Афона приезжали монастырские посольства для сбора пожертвований. Они привозили с собой различные святыни, иконы, частицы мощей. В свою очередь на Афон отправлялись как финансовая помощь, так и различные произведения церковного искусства. Кроме того, на Афон стали ездить не только монахи и паломники, но и русские иконописцы. Последние, впрочем, также были в монашеском постриге или духовном сане.

В середине XVII в. настоятель московского Новоспасского монастыря, будущий Патриарх Никон, заказал у афонитов копию Иверской иконы Богоматери, именуемой «Вратарница». Работу выполнял иером. Ямвлих (Романов). При написании иконы были использованы святая вода и частицы мощей, что придавало особую значимость копии Чудотворной иконы. Новописанный образ стал одной из наиболее значимых святынь г. Москвы. По случаю торжественного принесения Образа с Афона в Москву 13 октября 1648 г. было установлено празднование.

В 1652 г. Патриарху Никону афонскими иверскими монахами был привезен второй образ — икона Богородицы «Одигитрия». Этот список был заказан Святейшим Никоном для основанного им Валдайского Иверского монастыря. Еще один список Иверской иконы прибыл в Россию в 1666 г. Три года он простоял в Никольском греческом монастыре, затем был перенесен в Иверскую часовню у Воскресенских ворот в Москве на Красной площади, где находился до 1934 г. После восстановления Иверской часовни (1995) для нее был привезен вновь заказанный на Святой Горе список чудотворной иконы Божией Матери.

Патриарх Никон во время своего пребывания на престоле (1652-1658) просил иверских монахов списать также образ с чудотворной иконы Божией Матери «Троеручица», находящейся в Хиландарском монастыре. В 1661 г. дар был доставлен в Москву, а затем — в Воскресенский монастырь Нового Иерусалима. Впоследствии списки «Троеручицы» распространились по всей Руси.

Данные события определили очередной рубеж в истории духовных связей России и Афона. С этого времени афонские святыни становятся еще более востребованными. Помимо копий в Россию стали активно привозиться также иные афонские святыни и древности. Этим стали заниматься не только

паломники, но и ученые-путешественники, например, А.Н. Муравьев и П.И. Севастьянов.

Особое значение в распространении афонского духовного опыта в пределах Российской империи имеют труды и подвиги прп. Паисия (Величковского; 1722-1794). Его переводы творений древних аскетов вызвали большой интерес в различных слоях русского общества. В результате в XIX в. на Афоне появилась целая плеяда подвижников из России. Во второй половине столетия значительный вклад в развитие русского монашества на Афоне внес в числе других игумен Свято-Пантелеимонова монастыря Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин). Он был очень общительным и деятельным человеком. Благодаря его связям с Родиной афонское иночество стало широко известно в нашей стране. Монастырь пользовался покровительством Российского Императорского дома, быстро разрастался и отстраивался, поэтому к концу XIX в. Свято-Пантелеимонов монастырь стал самым большим монастырем на Святой Горе. К началу XX в. в стенах обители подвизалось более 1800 монахов; его подворья находились в Константинополе, Салониках, Одессе и Москве. Афон как территория особенного монашеского подвига в сознании русского народа стал местом исключительной святости и чистоты.

«В 1845 году состоялось посещение Святой горы великим князем Константином Николаевичем — событие, благоприятно повлиявшее на положение русской братии в Пантелеимоновом монастыре. В связи с приездом члена Императорского дома было возбуждено ходатайство перед Константинопольским Патриархом о преобразовании Серайской келии в русский скит во имя апостола Андрея. Здесь собралось около 20 русских монахов. В память о посещении великим князем Афона один из параклисов в Покровском корпусе Свято-Пантелеимонова монастыря был освящен во имя свв. равноап. Константина и Елены. В июне 1867 г. на Святой Горе побывал находившийся в учебном плавании по Средиземноморью великий князь Алексей Александрович, 16 июня заложивший первый камень в основание Андреевского собора» [3, с. 103-106]. Впоследствии скит обрел известность и благосостояние. В его ведении находились обширные сельскохозяйственные угодья; подворья скита были учреждены в Константинополе, Салониках, Одессе, Ростове-на-Дону и Санкт-Петербурге.

На восточном побережье Афона до недавнего времени находился еще один русский скит — св. прор. Илии. Располагался он недалеко от монастыря Пантократора. В 1757 г. скит был передан монастырем русскому подвижнику Паисию (будущему прп. Паисию Величковскому) с 12 учениками. Число братии быстро достигло 100 иноков. Однако после отъезда прп. Паисия в Молдавию в 1763 г. скит стал приходить в упадок. Возрождение его началось в 1835 г. благодаря усилиям иером. Аникиты¹.

¹ в миру — князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783-1837)

К середине XIX в. при старце Паисии II скит достиг своего расцвета. При этом трудолюбивом настоятеле были воздвигнуты новые обширные корпуса и храмы. Число иноков снова стало умножаться. В начале XX в. в скиту уже проживало около 500 монахов. Так как большинство братии были выходцами из Малороссии, Ильинский скит иногда называли «малороссийским». Подворья Ильинского скита располагались в Одессе, Таганроге, Константинополе.

В 1830-е гг., когда Греция при поддержке Российского государства освободилась от османской оккупации, на Афоне был возрожден Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, появились многочисленные русские скиты. Тысячи русских монахов связали свою жизнь с Афоном, в том числе — десятки талантливых художников, организовывавших при своих новых обителях иконописные мастерские [4].

Святые образы, написанные в обителях Афона, стали связующим звеном между афонитами и русскими верующими.

В 1879 г. для Алтайской духовной миссии со Святой Горы была привезена икона вмч. Пантелеимона. Икону торжественно встретили в Томске и перенесли в Бийск — новую резиденцию начальника Миссии. Икона вмч. Пантелеимона особо почиталась среди миссионеров, русских крестьян и новокрещеных Алтая. В настоящее время обнаружено более десяти икон вмч. Пантелеимона, написанных на Афоне. Разумеется, число заказанных на Афоне икон может составлять десятки.

Однако о Святой Горе Афон на Алтае знали ранее. Начальник Алтайской духовной миссии прот. Стефан Ландышев (ученик основателя Алтайской духовной миссии архим. Макария (Глухарева) за двадцать лет до этого писал о духовном величии Афона. Миссионер сравнивал с ним Алтай, очевидно, желая, чтобы Алтайские горы не только в природном смысле походили на Афон, но и прославились духовно.

Архим. Макарий (Глухарев) имел множество благодетелей по всей стране. С ними он вел активную переписку. Из нее, в частности, известно о святынях, которые передавались в Алтайскую духовную миссию через архимандрита. Одна из благодетельниц, представительница известного рода Глебовых-Стрешневых, в 1840 г. пожертвовала частицы мощей двух святых. Архим. Макарий после получения дара в ответ сообщал, что ковчег с мощами он разместил у иконостаса, «чтобы священник, приступающий к богослужению, приложившись к иконам Спасителя и Божией Матери, прикладывался также к честным мощам преподобных отцев» [5, с. 390]. Из документов более позднего времени удалось установить, что это были частицы мощей св. ап. Андрея Первозванного и сщмч. Игнатия Богоносца. Третий по счету начальник миссии архим. Владимир (Петров) в 1870 г. описал престольные торжества в Николаевском женском миссионерском монастыре, который располагался недалеко от центрального миссионерского стана в Улале (ныне город Горно-Алтайск). «8 мая 1870 г. накануне дня святителя Николая был совершен крестный ход с иконами и частицами мощей указанных выше святых» [6,

с. 325]. Весьма вероятно, что эти святыни были приобретены на Афоне. По крайней мере, в XIX в. частицы мощей св. ап. Андрея Первозванного неоднократно передавались в храмы России [7, с. 53].

Тем не менее, начало более активного духовного взаимодействия Алтая и Афона связано с упомянутой ранее иконой вмч. и целителя Пантелеимона (с частицей мощей), привезенной на Алтай в 1879 г. стараниями известного афонского старца иером. Арсения (Минина). Согласно дневниковым записям и отчетам миссионеров, с этим событием связывается немало чудес. Некоторые из них описал протоиерей Михаил Путинцев. Со времени встречи иконы великомученик стал почитаем на Алтае как покровитель миссионерства. Начальник Алтайской духовной миссии архим. Владимир (Петров) при встрече иконы назвал вмч. Пантелеимона новым и главным начальником Миссии, чем вызвал минутное замешательство правящего томского архиерея — епископа Петра (Екатериновского). Однако слова архим. Владимира оказались провидческими.

Уже в первые месяцы пребывания на Алтае с иконой стали связывать случаи исцеления от болезней и, что особенно интересно, обращения к Православию язычников [7, с. 54]. С образом, почитавшемся чудотворным, ежегодно совершались многодневные крестные ходы, вызывавшие неизменный интерес новокрещеных и даже некрещеных алтайцев.

Жители селений просили миссионеров принести Святыню к ним. К прибытию афонской иконы храмы украшались зеленью, цветами, ветвями берез и хвойных растений, как на Троицу. Пред образом непрестанно служились молебны. По мере шествия иконы верующие стремились «поднырнуть» под нее, чтобы Святыня прошла над их головами. На колокольнях совершался непрерывный трезвон. Со временем, когда на Алтае появились другие храмовые иконы афонского письма, крестные ходы стали более многочисленными [8, с. 110-118].

Религиозное воодушевление от соприкосновения со Святыней оставляло глубокий след в сознании верующих, укрепляло их веру, побуждало обращаться к Богу, особенно в сложных ситуациях. Первый священник-алтаец Михаил Чевалков в опасном плавании, вспоминая об афонской иконе в улалинском храме, ревностно молился о своем спасении вмч. Пантелеимону [9, с. 12].

Особую благодать образу придавала вложенная в него частица мощей вмч. Пантелеимона. Известно, что образы Пантелеимона с частицей мощей, помимо Улалы, были переданы в Буконский (1890) и Бачатский (1891) станы. Афонские иконы ежегодно в летнее время переносились по миссионерским станам и другим попутным селениям. Как русские, так и новокрещеные алтайцы с большим благоговением встречали эти святыни. Иконы заносились в дома, где совершались молебны. По словам миссионеров, «появление святыни в миссионерских станах возбуждает в народе сильное религиозное движение, воскрешает его ум и сердце к небу и производит благодатное действие в его внутреннем духовном мире» [10, с. 7-8]. Подобные шествия вызывали интерес

и у некрещеных. Они обращались к миссионеру или к крещеным с просьбой поставить свечу у иконы, помолиться о болящих, рассказать о целителе Пантелеимоне и разъяснить слова песнопений этому святому [11, с. 25-26]. Нередко результатом таких собеседований было желание язычников принять крещение.

Непростые отношения сложились у миссионеров со старообрядцами. Отмечены случаи поклонения иконе вмч. Пантелеимона, в частности, наставника «стариковцев» Кипринского прихода Павла Рыжкова. Он прикладывался к иконе, хотя вместе с православными пред нею не молился. Другие старообрядцы приходили к иконе в храм, заказывали молебны и посылали пожертвования на Афон. Подобное происходило в Залесово, Думчево, Журавлихе и др. местах [12, с. 12, 15; 13, с. 20-23].

Тесная связь с Афоном оказывала большое влияние на развитие духовной культуры на Алтае. Верующие с особым почтением относились к подвижникам Афона, поэтому и особое почитание оказывалось иконам, написанным на Святой Горе.

В России у православных был обычай во время житейских сложностей давать духовные обеты. В начале XX в. в селе Михайловское случилось нашествие насекомых, от которого страдали урожаи. Жители села постановили на сходе совершать крестные ходы с молебными пениями мученикам Трифону, Иулиану и Евстафию. Они просили священника Василия Хоперского заказать на Святой Горе икону этих святых и дали обет — по прибытии образа на Алтай нести его от г. Бийска до села Михайловское исключительно на руках.

В 1903 г. в рапорте на имя правящего архиерея сельчане вместе со священником сообщили об отсутствии в том году «червя» и о готовности исполнить обет. К ним присоединились казаки соседнего села Слюденского Антоньевской станицы Бийского уезда, встречавшие в то время заказанную на Афоне икону Божией Матери «Скоропослушница».

Так формировалась традиция заказывать иконы на Афоне. Это делали не только русские крестьяне, но и новокрещеные алтайцы. Например, жители Усть-Кана по заказу местного ктитора Тимофея Евграфовича Мокина из Бийска встречали храмовую икону свт. Николая Чудотворца. Образ проследовал водным путем на пароходе до Усть-Чарышской пристани, откуда был перенесен на руках до Усть-Кана.

Нужно отметить, что инициатива заказа икон на Святой Горе принадлежала разным слоям общества. Инициативу проявляли и казаки, и крестьяне, и мещане.

В Улалинском Никольском женском монастыре находилась особо чтимая чудотворная храмовая икона, написанная на Афоне и получившая известность за пределами Алтая. В 1899 г. в Санкт-Петербурге была издана книга «Житие и чудеса св. Николая Чудотворца», в которой говорится: «Не можем не упомянуть <...> о миссионерском женском Николаевском монастыре Томской епархии, Бийского викариатства, в 7-ми верстах от Улалы. <...> На далекое расстояние

кругом славятся два пребывающие в ней чудотворные образа — Царицы Небесной, Споручницы грешных, и храмовой — Святителя Мирликийского. Во всякое время года, даже зимой, можно встретить пред этими образами богомольцев из самых дальних мест, а в день славного праздника обители, 9 мая, стекается сюда к образу Святителя до 6000 богомольцев с Алтая и соседних округов» [14, с. 615-616].

Стоит указать, что ныне традиция крестных ходов с афонскими иконами заметно укоренилась среди новокрещеных жителей Алтая. С возрождением Церкви в конце XX в. возродились и ежегодные многодневные крестные ходы, — например, Коробейниковский крестный ход, крестный ход «По стопам миссионеров» и др. Более подробно об афонских иконах на Алтае описано в другой статье автора [15].

Об афонском подвижничестве напоминали в XIX в. и некоторые миссионерские строения. Так, в Улале находился построенный в 1872 г. дом помощника начальника Миссии с небольшой церковкой в мезонине во имя свт. Иннокентия Иркутского. Бывавший на Афоне прот. Михаил Путинцев сравнивал его с теми «малыми и убогими церквками», какие «имеются при пустынных келиях на Афоне». Вид тесного и скромного храма производил «особенное благодатное, успокаивающее, умиротворяющее впечатление». О. Михаил, любивший бывать в этой церкви, писал: «там отдыхала душа моя, утомленная заботами и скорбями земными» [16, с. 8].

На Алтае прот. Михаил прослужил в качестве миссионера почти три года (1881-1883). Его книга «Алтай. Его святыни. Миссионерство», цитируемая нами, вышла в Москве в 1891 г. в издательстве Афонского подворья.

Издание книги о. Михаила Путинцева способствовало упрочению духовных уз, связывающих Афон и Алтай. На рубеже 1880-1890-х гг. братия Андреевского скита на Афоне передала в дар храму вмч. Пантелеимона, построенному в 1890 г. в Чолухоевском стане Миссии, частицы мощей шести святых — вмч. Пантелеимона, ап. Андрея Первозванного, сщмч. Харлампия, вмч. Трифона, мц. Фотинии и равноап. Марии Магдалины. Это было сделано по желанию строителя храма, московского фабриканта А.С. Миронова, и по ходатайству еп. Макария (Невского) [17, с. 12].

В эти годы в Миссии активно строятся храмы и некоторые из них посвящаются вмч. Пантелеимону. Кроме церкви в стане Чолухоевском, в Миссии было еще несколько таких богослужебных зданий: храмы — в Катанде (освящен в 1880 году), Бирюле (1885), Мариинском (1886), Балыктуюле (1898); молитвенные дома — в д. Онос¹ (1893) и в аиле Кара-Кем на р. Аргут (1901). В Улале находилась построенная в 1902 г. каменная часовня в честь этого святого [7, с. 56].

Как известно, Афонский Свято-Пантелеимонов монастырь имел свою типографию, где печатались книги духовно-просветительского характера. Из

¹ Он-Оос, ныне — Анос (прим. ред.)

них формировались приходские библиотечки, переправлявшиеся в Россию. Такие издания получала и Алтайская миссия, распределявшая их по храмам и миссионерским станам. Эти книги использовались в работе миссионерских школ и как материал для внебогослужебных бесед [18, с. 15].

Некоторые миссионеры знали Афон не понаслышке. Помимо вышеупомянутого прот. Михаила Путинцева, на Святой Горе бывал миссионер иеромон. Тихон. В 1881 г. он по болезни отправился на лечение в европейскую часть России, где обошел многие святые места, в том числе и Киев. Впоследствии о. Тихон вместе с о. Павлом Прусским был в Царьграде; жил на Афоне, достиг Иерусалима, молился у Гроба Господня, удостоился благословения Патриархов Константинопольского и Иерусалимского, «всюду нося с собою память об Алтае» [19, с. 233]. В 1883 г. иеромон. Тихон скончался от чахотки в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре на Кавказе.

Афонские постриженники посещали Алтайские монастыри. Однако, приезжим монахам трудно было привыкнуть к сложностям сибирского климата, и по этой причине распространить и закрепить традиции афонского монашества здесь не удалось [20, с. 493].

Многочисленные пожертвования подтверждают почитание афонского подвижничества среди верующих жителей Алтая. Это отражено и в архивных документах. Так, в письме кебезенского миссионера к помощнику начальника Миссии прот. Петру Бенедиктову сказано: «На приисках приходили ко мне многие послать их деньги на Афон. Я сам не знаю как адрес туда, хотя мне оч. нужно самому; здесь в Кебезени есть заказ и так многие спрашивают. Не черкнете ли мне этот адрес, о. Петр!» [21, л. 20-23 об.].

Иной примечательный случай — духовное завещание бийской мещанки Варвары Макарьевны Окуловой от 15 апреля 1909 г.: «Из денежного капитала, внесенного вкладом из процентов в Бийский Коммерческий банк по билету за №21334, я завещаю и распределяю поступить следующим образом: послать на Афон 35 руб., выдать в пользу церкви села Александровского 1-й Алтайской дючины одну тысячу руб. с тем условием, чтобы сумма эта оставалась вечным вкладом нетронутой, а с нее проценты выдавались бы ежегодно и употреблялись бы на нужды церкви, на устройство предполагаемого нового храма в заселке Аурласпак¹ Алтайской дючины Бийского уезда я жертвую и завещаю выдать одну тысячу рублей» [22, л. 137-137 об.].

Не обошло Алтай и прискорбное для церковной жизни явление — мошенничество со сбором пожертвований на Афон. В церковной прессе начала XX в. содержатся не только предупреждения по этому поводу, но и описание конкретных случаев. Так, еп. Иннокентию (Соколову) жаловался миссионер из Паспаульского стана, что двое новокрещеных отправили на адрес Одесского подворья некой афонской кельи пожертвования соответственно 50 и 70 руб., но в течение года нет никаких известий о получении пожертвований. Более того,

¹ Урлу-Аспак — *прим. Авт.*

некие «монахи» предлагают заказывать обедню «в Патриархии при участии самого Патриарха, в отпущение всех их грехов: прошедших, настоящих и будущих» [23, с. 381].

Воззвания о пожертвовании якобы монахам Афонской горы присылались по почте. Только в 1890 г. полицейское ведомство выявило шесть нелегальных, то есть не имевших разрешения церковного начальства на сбор, пожертвований [24, с. 12–13]. Подпавшие под влияние лжемонахов малоопытные новокрещенные, веря в заманчивые посулы, часто переставали ходить в храм, что усложняло работу миссионеров. Вместе с тем, проверенными с точки зрения надежности для отсылки денег были русские Пантелеимоновский, Андреевский и Ильинский монастыри на Афоне.

Образ Святой Горы вызывал благоговение у новокрещенных и вдохновлял миссионеров на нелегкие труды по просвещению коренных горных народов. Их служение отличалось от обычной приходской работы в старокрещенных регионах. Отдаленность, отсутствие дорог и какой-либо коммуникации, а также языковой барьер требовали терпения и выносливости. Не все выдерживали самоотверженный труд миссионера. Но те, кто оставался в Миссии, надеялись увидеть Алтайские горы «Сибирским Афоном» [25, с. 23]. Образ Афона стал жизнеутверждающим и мотивирующим идеалом православного миссионера на Алтае. Монахи Афонских монастырей глубоко почитают Пресвятую Богородицу, считая Ее своей игуменьей – настоятельницей. Особым почитанием Матерь Божия пользовалась и у алтайских миссионеров, начиная с основателя Миссии прп. Макария (Глухарева; 1792-1847). В образе Царицы Небесной автор популярных очерков о святых местах Сибири Пимен Сибирский видит мистическую причину духовного родства Афона и Алтая: «По трогательному преданию христианского мира, Божия Матерь избрала Афонскую гору своим земным жребием. По сердечному верованию Алтайских христиан, Матери Божия и Алтайские горы приняла под свое особое покровительство» [26, с. 96].

Сегодня, после времен забвения, взаимоотношения Афона и Алтая вновь становятся актуальными и востребованными верующими. В алтайских храмах появляются афонские образы рубежа XIX–XX вв., заказываются и новые иконы. Возрождаются традиции православного паломничества на Святую Гору. Все это свидетельствует о продолжении духовных связей Афона и Алтая, заложенных полтора столетия назад.

Список литературы

1. Черкасов И.З. Афон и его окрестности. Русские на Афоне. Иверский монастырь. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=852/#1> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Русско-афонские духовно-нравственные и художественные связи и Иверские монастыри в России. URL: <http://www.dzalisa.org/arhiv/russko-afonskie-duhovno-nravstvennye-i-hudozestvennye-svazi-i-iverskie-monastyri-v-rossii> — Дата публикации: 28 февраля 2005 (дата обращения: 01.09.2021).

3. Августин (Никитин), архим. Афон и Русская Православная Церковь // БТ. 1997. №33, с. 76-109.
4. Мастерские / Афон и греческие рукописные иконы. Православный интернет-магазин: Дары волхвов. URL: <http://www.orthodox-shop.ru/articles/5> (дата обращения: 01.09.2021).
5. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии: С биограф. очерком, портретами, видом и двумя факсимиле / Под ред. К.В. Харламповича. Казань: Центр. тип., 1905. 558 с.
6. Алтайская духовная миссия в 1870 году. Предварительные сведения // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности православного миссионерского общества. М.: тип. В. Готье, 1872. 782 с. Кн.1-2.
7. Крейдун Ю.А. К вопросу о религиозных связях Афона и Алтая в XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. №81, с. 52-63.
8. Крейдун Ю.А. Афонская икона великомученика и целителя Пантелеимона в Алтайской духовной миссии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2016. Вып.1(5), с. 110-118.
9. Небесная помощь во время плавания по Телецкому озеру // ТЕВ. 1884. №11. Неоф. отд, с. 11-15.
10. Святые иконы с благодатными останками св. великомученика и целителя Пантелеимона в Алтайско-Киргизской духовной миссии // ТЕВ. 1892. №16. Неоф. отд, с. 6-15.
11. Из записок миссионера (Из записок миссионера Буконского стана Киргизской миссии, священника Ефрема Елисеева, за 1892 год) // ТЕВ. 1894. №5. Неоф. отд, с. 20-26.
12. Отчет о состоянии раскола и противораскольнической деятельности по Миссионерскому Комитету благочиния №35, за 1902 отчетный год // ТЕВ. 1904. №20. Неоф. отд, с. 1-18.
13. О крестных ходах благочиния №18 // ТЕВ. 1904. №23, с. 20-24.
14. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России: В 2 ч. / Сост. А. Вознесенский и Ф. Гусев. СПб.: И.Л. Тузов, 1899. VIII, 723 с.
15. Крейдун Ю.А. Иконы Афонского письма в истории православия на Алтае: [материалы VI международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур», Барнаул, 27-28 апреля 2016 г.] // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур. Барнаул: АлтГПУ, 2016. №22.
16. Путинцев М.П., прот. Алтай. Его святыни; Миссионерство; Дивные пути промысла Божия в обращении язычников в христианство; Воспоминания о почивших миссионерах. 2-е изд. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1891. 71 с.
17. Отчет о миссиях Томской епархии — Алтайской и Киргизской за 1890 год // ТЕВ. 1891. №6. Неоф. отд, с. 1-14.
18. Отчет о миссиях Томской епархии — Алтайской и Киргизской за 1893 год // ТЕВ. 1894. №9. Неф. отд, с. 1-16.
19. О миссиях Томской епархии — Алтайской и Киргизской в 1882 году // ТЕВ. 1883. №8. Неоф. отд, с. 216-236.
20. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1914 год // ТЕВ. 1915. №12. Неоф. отд, с. 491-507.
21. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110.
22. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 53.
23. Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Бийского, Начальника Алтайской миссии, по станам миссии в 1909 году // ТЕВ. 1910. №9. Неоф. отд, с. 380-382.
24. О воззваниях к пожертвованиям рассылаемым монахами Афонской горы // ТЕВ. 1890. №19, с. 12-13.
25. Радости и скорби Алтайской Духовной миссии // ТЕВ. 1898. №15. Неоф. отд, с. 13-29.
26. Сибирский П. По святым местам Сибири. Очерки и наброски // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 10 (октябрь), с. 91-103.